

«Описание Вюрцбургской марки» как ранний памятник древневерхненемецкого языка

С.И. Дубинин

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева,
г. Самара, Российская Федерация

E-mail: dubinin.si@ssau.ru. Web of Science Researcher ID: P-3522-2015.
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6248-9812>

Аннотация: Статья касается вопросов дискуссии о составе памятников древневерхненемецкой письменности, релевантных для истории немецкого литературного языка начального периода, в частности текстов аграрного права VIII века – описаний поземельных обходов и демаркаций региона Майнской Франконии. Тезис о «клерикальной исключительности» древневерхненемецкой письменности по инерции доминирует в отечественной исторической германистике. Актуальность проведенного исследования на материале уникального памятника – так называемого «второго описания Вюрцбургской марки» – связана с апробацией комплексного подхода к анализу языка и жанрово-стилистической принадлежности текста. Определяется место данного источника в корпусе автохтонных текстов VIII века из Вюрцбурга. В ходе исследования решается проблема декодирования семиотических смыслов, заключенных в этом старописьменном источнике, который идентифицируется как протокол для устной презентации. Основными методами исследования являются ономастический и компонентный анализ (топонимы, антропонимы), инструментарии историко-стилистического, дискурсивного и герменевтического подходов с использованием дигитальных технологий. Уточняются жанровые содержательные и языковые характеристики памятника. Описание Вюрцбургской демаркации и смежные с ней тексты рассматриваются в контексте языковой ситуации VIII–XI веков. Основные выводы исследования: как малоформатный юридический текст данный памятник имеет особую смысловую природу, кодирует ценную историко-культурную информацию, уникальные реликты переходной раннефеодальной эпохи в Германии; его справочная (референциальная) функция, ареалогия, топонимическая и антропонимическая семиотика обнаруживаются через интертекстуальные связи с другими древневерхненемецкими памятниками VIII века.

Ключевые слова: источниковедение; древневерхненемецкий язык; восточнофранкский диалект; текстотип; жанр аграрного протокола; ономастикон; орализация; обычное право; Майнская Франкония; Вюрцбургское епископство.

Благодарности. Публикация в рамках сотрудничества германистов Самарского университета и Баварского университета им. Юлиа-Максимилиана (Вюрцбург, ФРГ) посвящена 20-летию партнерства кафедр немецкой филологии и кафедры немецкого языкознания этих вузов.

Цитирование. Дубинин С.И. «Описание Вюрцбургской марки» как ранний памятник древневерхненемецкого языка // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2021. Т. 27, № 1. С. 103–115. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2021-27-1-103-115>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Дубинин С.И., 2021

Сергей Иванович Дубинин – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой немецкой филологии, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 12.02.2021
Revised: 02.01.2021
Accepted: 26.02.2021

«Würzburg mark description» as an early monument of the Old High German language

S.I. Dubinin

Samara National Research University, Samara, Russian Federation

E-mail: dubinin.si@ssau.ru. Web of Science Researcher ID: P-3522-2015.
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6248-9812>

Abstract: The article concerns the issues of discussion about the composition of the monuments of ancient German writing that are relevant to the history of the German literary language of the initial period, in particular the texts of agrarian law of the 8th century – descriptions of land detours and demarcations of the Main Franconian region. The thesis of the «clerical exclusivity» of ancient German writing dominates by inertia in Russian historical Germanic studies. The relevance of the research carried out on the material of the unique monument of the so-called «second description of the Würzburg mark» is associated with the approbation of an integrated approach to the analysis of the language and genre

and stylistic affiliation of the text. The place of this source in the corpus of autochthonous texts of the VIII century from Würzburg is determined. The research solves the problem of decoding the semiotic meanings contained in this old-written text, which is identified as a protocol for oral presentation. The main research methods are onomastic and component analysis (toponyms, anthroponyms), a toolkit of historical-stylistic, discursive and hermeneutic approaches using digital technologies. The genre content and linguistic characteristics of the monument are specified. The description of the Würzburg demarcation and related texts is considered in the context of the linguistic situation of the VIII–XI centuries. The main conclusions of the study: as a small-format legal text, this monument has a special semantic nature, encodes valuable historical and cultural information, unique relics of the transitional early feudal era in Germany; its reference (referential) function, arealogy, toponymic and anthroponymic semiotics are revealed through intertextual connections with other Old High German monuments of the XVIII century.

Key words: source study; Old High German; East Franconian dialect; text type; agrarian protocol genre; onomasticon; oralization; common law; Main Franconia; bishopric of Würzburg.

Acknowledgements: Publication is made within the framework of cooperation of Germanists of the Samara University and the Julius Maximilian University of Würzburg (Würzburg, Germany) is dedicated to the 20th anniversary of partnership between the Department of German Philology and the Department of German Linguistics of these universities.

Citation. Dubinin S.I. «Würzburg mark description» as an early monument of the Old High German language. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriia, pedagogika, filologiya = Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, 2021, vol. 27, no. 1, pp. 103–115. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2021-27-1-103-115>. (In Russ.)

Information on the conflict of interests: author declares no conflict of interest.

© Dubinin S.I., 2021

Sergei I. Dubinin – Doctor of Philology, professor, head of the Department of German Philology, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

Введение

Проблематика изучения древних памятников письменности определяется точкой зрения на их значимость для целей исследования. В контексте истории немецкого литературного языка традиционно не рассматриваются источники VIII века на родном языке правового содержания в качестве репрезентантов ведущих типов письменности (основных типов памятников), значимых для начального, датируемого IX–XI вв., периода формирования письменного-литературного узуса/языка, а также и в общелингвистическом плане – для оценки генезиса структурного единства языка формирующейся немецкой народности (древневерхне-немецкое состояние; далее *двн.*) [Гухман, Семенов 1983, с. 7]. Тезис о «клерикальной исключительности» *двн.* письменности доминирует в отечественной исторической германистике [Жирмунский 1956, с. 45]. По оценке исследователей, возникновение немецкой письменности во второй половине VIII века и ее развитие были прагматически связаны в первую очередь с задачей освоения и трансляции понятий и идей христианства, основ греко-римской цивилизации, с многовекторной культурно-государственной, конфессиональной и объединительной, просветительской политикой Карла Великого (742–814; франкский король в 768 году; единовластен с 771 года).

Языком и форматом права как компонента поликультурного феномена так называемого «каролингского возрождения» во Франкском государстве в правление первых Каролингов безраздельно оставалась латынь. Для проведения централизации, легитимации королевской власти, реализации феодальных реформ с конца VIII века на латыни как языке высших/внешних сфер коммуникации активно создавались массивы разнообразных правовых документов, законов, указов и установлений и т. п., правились записи обычного права

франков, но особо отмечалась слабая разработанность земельного права.

Первые спорадические фиксации устного и письменного права на *двн.* языке – формирующемся идиоме немецкой народности – сохранились в виде вкраплений (переводных фрагментов, глосс, чаще латинизированных) в латинских разножанровых текстах уложений, дарственных, реестров, житий и других документов. Не случайно, что язык *двн.* права определяется как инкорпорированный *Deutsch in Rechtstexten*, задачей которого была фиксация понятийной основы (оболочки), базовых концептов германского племенного права, например видов наказания / преступлений [Mettke 1982, S. 30]. В VIII веке зафиксированы лишь единичные разрозненно-фрагментарные переводы и автохтонные в языковом отношении цельные правовые тексты. В частности, это интересующее нас описание аграрных демаркаций региона Вюрцбурга конца VIII века (*zweite Würzburger Markbeschreibung*).

Marchia ad Uuirziburg (латинизированный титул) – памятник, известный в номенклатуре *двн.* источников как *zweite Würzburger Markbeschreibung* (далее *WM II*), традиционно оценивался как древнейший, уникальный, малый периферийный источник публичного права в *двн.* письменности. Он включается в мини-корпус юридических текстов аграрных установлений и дарений собственности монастырям конца VIII века Карлом Великим, позиционировавшим их в развитии инфраструктуры регионов. Это дескрипторы областей (границ) восточнофранкской языковой атрибуции: латинская грамота с описанием окрестностей монастыря Нойштадт на Майне (основан епископом Вюрцбурга в 772 г.) и равная *WM II* по объему грамота – земельное дарение монастырю Фульда (*Hammelberger Markbeschreibung*, латинский текст с *двн.* ономастическими вкраплениями; 777 г.) [Wolf 2003, S. 112–113].

Но в ближайшей связи с WM II рассматривается вдвое больший по объему, смешанный латинско-немецкий текст королевской грамоты – «первое описание Вюрцбургской марки» (*marcha Vuirziburganensium*, далее WM I). Здесь в качестве двн. инвазий наряду с единичными грамматически согласованными словарными вкраплениями и синтаксическими фрагментами отмечены антропонимы, топонимы, топонимические словосочетания. Это датированный 14.10.779 акт – латинское поsegmentное описание освидетельствованной демаркации окрестностей Вюрцбурга (назван *provincia*).

Тексты WM I и WM II сохранились в позднейшей вторичной записи не как списки, а как «вставки» на обороте первой и последней страниц соответственно богато оформленного латинского кодекса (евангелиар из монастыря Фульды) – пергаментной малоформатной рукописи (около 860 года). Исследователи датируют оригинал WM II примерно осенью 790 года (запись в скриптории епископства Вюрцбурга?), поскольку здесь упомянута часть свидетелей из WM I. При переплете кодекса по заданию епископа Вюрцбурга (ок. 1000 г.) перезапись обоих текстов сделана на пустых страницах, свидетельствуя об их статусности (*Topographia Franconiae*). Фульдский евангелиар стал своеобразным надежным «архиватором» для обоих памятников [Wolf 2003, S. 120].

Исследователи не считают WM II частью WM I, его продолжением или вариантом. Это ценный автономный малоформатный памятник начального этапа письменно засвидетельствованной истории немецкого языка – раннего двн. периода (750–950 гг.) (*Mittelalter I*. 1982). Он переводился на современный язык, исследовался в исторической лингвистике и медиевистике, в частности вюрцбургскими германистами (Н.Р. Вольф, Х. Бруннер), также в аспекте региональной языковой истории Франконии, отмечен в изысканиях отечественных германистов (О.И. Москальская, Н.И. Филичева). Интерес источниковедов и историков языка вызывали палеография WM II, отражение в нем древних ономастических единиц, их декодирование и другие аспекты.

Но комплексное историко-филологическое исследование WM II обозначилось относительно недавно. Так, новаторские социо- и лингвокультурологические подходы к оценке и анализу памятников двн. письменности были предложены Гансом Эггерсом (1907–1988), выделившим межпредметный подход и лексический концептуальный анализ с применением электронных технологий как значимые [Eggers 1966, S. 12]. Продолжением этой методологии и ее результатом стал словарь двн. языка Рудольфа Шютцайхеля (1927–2016), созданный путем электронной обработки текстов на корпусной основе, включая правовую и ономастическую лексику (Schützeichel 1974).

Интерес к двн. памятникам в последнее время связан с изучением их с позиций лингвопрагмати-

ки и лингвистики текста как текстотипов, а памятников права – в аспекте «внешней истории языка» как *profane Texte* (тексты повседневности). Показательно, что WM I и WM II включаются в рассмотрение в новейшие переиздания базового фундаментального учебника по истории немецкого языка под редакцией Вильгельма Шмидта (1914–1982). Они характеризуются в разделе *Textsorten* (разновидности текстов) как весомые, «историзированные» репрезентанты «письменного языка права и управления» [Schmidt 2007, S. 86–87].

Актуальные эвристические подходы к анализу WM II совершенствуются вместе с развитием технологической базы изысканий и с появлением новых методологических подходов. Так, Библиотека университета Вюрцбурга разместила дигитальную версию WM II, электронный инструментарий к тексту и его описание (*Topographia Franconiae; Quattuor Evangelia*). Значимый материал для изучения памятника содержит уникальная историко-культурная электронная энциклопедия Вюрцбурга (*Würzburg Wiki*).

Оценка древнего письменного памятника как источника сведений о языке и лингвокультуре эпохи делает WM II, хотя текст не относится к литературным источникам, объектом исследования герменевтики (филологической критики). Элементы герменевтического подхода в толковании, интерпретации и понимании древних текстов как исторических документов уместны в контексте исторической эпохи с учетом факторов культурной среды, статуса, образования, сословно-групповой принадлежности автора. Процесс понимания древнего текста – движение по «герменевтическому кругу»: языковая культура, с одной стороны, когда текст рассматривается по отношению к эпохе и жанру, с другой стороны, текст является отражением духовной жизни автора как субъекта исторической эпохи. Представление текста с этих позиций – переход от общего к частному и обратно: наряду с толкованием WM II как раннесредневекового текста это восстановление, декодирование первоначального смысла памятника, дошедшего во вторичной форме, малопонятного без комментария.

Актуален анализ WM II как малоформатного текста и в рамках историко-дискурсивного подхода [Миры дискурса 2015, с. 4, 10, 72], позволяя выстроить исследование как историко-лингвистическое, а не как традиционное лингвоисторическое в опоре на формально-языковую реконструкцию. Дискурсивный подход уместен при рассмотрении внешней истории литературного немецкого языка в анализе исходной для оценки фактов языковой vs дискурсивной ситуации в триаде: *порождение текста/дискурсивные практики автора – узусы – явления языкового отбора/лингвокультурного кодирования*. Опора на теорию языковой ситуации, верификация языковых состояний, культурных континуумов эпох, стадийной динамики исторических формаций, учет массива вторичных социокультурных явлений позволяют ди-

агностировать и интерпретировать изменения в функциональной системе языка, в частности литературного идиома как его компонента, качественные преобразования в формах существования языка в целом [Гухман, Семенюк 1983, с. 3–5].

Для характеристики двн. языковой ситуации ключевую роль играют: господствующее положение латыни и ограниченность сфер применения двн. письменного языка; региональное варьирование в языке двн. письменности; отсутствие четкой соотносительности языка письменных памятников и языка диалектной области его локализации [Гухман, Семенюк 1983, с. 48]. История немецкого литературного языка смыкается с дискурсивным анализом в первую очередь через предметную сферу исторической стилистики и лексикологии, жанроведения, а феномен «языковая ситуация» интерпретируется как дискурс.

Гипотеза данного исследования состоит в том, что «второе описание Вюрцбургской марки» – отдельная, уникальная фиксация кратковременной ситуации паритетности в регионе Вюрцбурга на исходе VIII века церковной, раннефеодальной и общинной форм собственности. WM II является древним семиотическим кодом, соотносимым с симбиозом нескольких топосов: Майнская Франкония – природно-географическая и культурно-историческая локация, возникшая в ходе франкской колонизации; становящееся Вюрцбургское епископство; Вюрцбург как городское поселение и прежняя крепость-резиденция; рудименты Франконского герцогства. Рассмотрение их комбинаторики и репрезентации требует контекстуального анализа памятника.

В статье не ставится **исследовательская задача** детального сопоставления и установления корреляций WM II с WM I. В центре внимания находится комплексный дискурсивный, смысловой, жанровый, ареальный и лексический анализ языка этого памятника – как **цель** показать его уникальные, значимые для ранней истории немецкого литературного языка параметры.

1. Дискурсивные и жанровые особенности памятника

Текст WM II отразил пересечение нескольких дискурсивных практик, фиксируя рефлексии древнего права, обозначил его акторов, что определило содержание, жанровую и языковую специфику памятника. На его основе возможна реконструкция отдельных сценариев институционального дискурса аграрного права и его акторов – присяжных свидетелей демаркаций земельных угодий. Лишь в некоторой степени можно судить также о дискурсе скриптория, где актерами выступали писцы (скрипторы) как создатели двн. текстов.

Предыстория появления WM II и WM I связана с разделением на несколько графств и упразднением первыми Каролингами Франконского герцогства, его династической резиденции в крепости Вюрцбург (719/720 гг.) с упрочением ленной системы средних и мелких держателей земель,

учреждением и укреплением в контексте политики централизованного огосударствления церкви княженного Вюрцбургского епископства (основано в 742 году). В 782 году Карл Великий заменил окружное управление графским, сохранив географические границы и широкую автономию епископств и монастырей. В регионе Майнской Франконии, также охваченной раннефеодальными трансформациями, сложилась особая модель (Würzburg Wiki).

Последняя треть VIII века отмечена в Вюрцбурге деятельным правлением епископов Беровельфа (769–794 гг.), Гумберта (794–795 гг.) и Литурита (794–804 гг.). Последний был придворным капелланом-духовником Карла Великого, дважды посетившим Вюрцбург: октябрь 788 года в связи с обретением мощей Св. Килиана – «крестителя Франконии» и началом строительства крепостных укреплений; декабрь 793 года на Рождество на освящении нового собора. Примечательно, что с последними представителями местной майнско-франкской династии герцогов Хетанидов (630–720 гг.), склонявшимися к союзу со ставившими их на правление Меровингами, имевшими претензии на королевский трон и владения в соседней Тюрингии, каролингская историография связала убийство (689 год) Килиана и его соратников – проповедников, провозглашенных в 752 году как мучеников епархиальными святыми в церковном княжестве Вюрцбург (Würzburg Wiki).

Епископство Вюрцбурга – опорный центр Каролингов на среднем Майне – укрепляло при покровительстве центральной власти свои землевладения на берегах реки, в лесном гористом левобережье, удобном для виноградарства, и в низинном правобережье. Местные бенедиктинские монастыри, культивировавшие агрокультуру, имели потребность в земельной собственности не только как в источнике податей. Сложилась нуждавшаяся в регулировании иерархия аграрной собственности: королевская, церковная, феодальная и остаточное архаичное «свободное» землевладение.

Оба описания Вюрцбургской марки – первые, уникальные фиксации освидетельствования (соприсяжничества) осенних обходов пограничных земельных владений (Flurgang der Feldgeschworenen/Abmarkung). Эта правовая практика как ежегодная традиция сохранилась на протяжении Средневековья, известна во Франконии как «хождение семерых» (Siebenergung) по числу присяжных, среди которых избирался «старший» (Obmann). Она признавалась затем в Вюрцбургском епископстве, допуская приглашение местных лиц (см. рис. 1): замеры, проверки, установки/замена межевых знаков (Marksteine), контроль условных «тайных примет», которые могли быть известны только присяжным и о которых они договаривались. Обязанности выборных присяжных-мужчин, хранивших и передававших свои сведения изустно, переходили по семейному наследству в сельской общине. Они были важными посредниками между властью и аграрным сообществом (Würzburg Wiki).

Рис. 1. Присяжные при земельном обходе (миниатюра из Вюрцбургской епископской хроники XVI в.)

Fig. 1. Jury at the land round (miniature from the Würzburg Episcopal Chronicle of the XVI century)

WM I фиксирует эту дискурсивную практику в формате латинской королевской грамоты, документально пространного, информативно-формульного акта (ср. начальное: *notum sit omnibus* «пусть будет известно всем»; *actum publice* <...> *coram omnibus his* «совершено при публичном присутствии всех») по образцу частных грамот первых Каролингов. Ее структура традиционно трехчастна (*intitulatio/narratio/dispositio*), но формулировки на родном языке не представлены [Schmidt 2007, S. 86–87]. Упомянуты инициатор – гарант документа император Карл, исполнитель и его порученец Эберхард (*missus* – «посланный»), процедуры присяги/клятвы (*supra scriptis circumduxerunt et iuramento firmaverunt*) свидетелей (*testes, societas*). Отмечена их статусность как субъектов демаркации – подписантов (*matibus et senibus, subterscriptis*), указан изготовивший и датировавший текст (*notitiam scripsi*) некий (вероятно, вюрцбургский?) клирик (*ego Bernger indignus presbiter*). Его пресвитерский сан указывает на статусность документа (Altdeutsche Texte 1970).

Текст WM II в жанровом отношении традиционно также относился исследователями (Althochdeutsches Lesebuch 1958) к грамотам или актам (*Urkunden*) конца VIII века [Mettke 1982, S. 29–31]. Иногда в обобщенном виде он определяется и как «правовой текст» (Altdeutsche Texte 1970), но жанрово не отделяясь от WM I. Однако очевидный акцент на устный характер презентации текста WM II детерминирует его жанрово как тематизированное «сообщение» (*Bericht*) в прагматических рамках «литературы повседневности, документов культуры» (*Gebrauchsliteratur, Kulturdokumente*) (Mittelalter I. 1982) с чертами стиля прозаических памятников повседневного назначения (*Gebrauchsprösa*) [Филичева 2003, с. 16]. В новейшей традиции WM II отмечен как *ein urkundenähnliches Dokument vs. inoffizielles Kurzprotokoll* – «грамотоподобный документ/неофициальный краткий протокол» (*Topographia Franconiae*).

Соприкасаясь по форме с грамотой/актом в рамках двн. документального дискурса, WM II

выглядит как самостоятельный, подтвержденный в изустной форме оповещения **протокол обхода** освидетельствуемой территории (пограничной области). Он имеет своеобразную трехчастную структуру: *описание (основная часть) – итоговая фраза/констатация – речение свидетелей*. Описание начинается с западных окрестностей Вюрцбурга на правом берегу Майна ниже по течению, идет восточнее концентрически «по часовой стрелке» обратно к исходной точке (*Rabansbrunnen/Rabansquelle*, «вороний источник/колодец?»). Несмотря на малый формат, WM II обнаруживает основные стилеобразующие черты протокола: фактологичность, лаконичную деловитость, мемориальную документальность, информативную однозначность. Постановительный статус протокола обхода придавал WM II контролирующую и архивирующую функции.

В отличие от текста WM I, где локусы смещены западнее и указаны поэтапно, локация здесь очерчена едино. За ней следует отличная от WM I итоговая фраза в виде придаточного дополнительного: *So sagant, daz so si <...> unde quedent, daz <...>* – «Так сказано (в подтверждение), что это есть <...> и изречено, что <...>». Свидетели указаны одной группой в конце документа после вводной формулировки: *Diz sageta* «это сказал», которую можно трактовать как установку для присяжных. Номинативные структуры безглагольного описания тождественны WM I, не развернуты и однообразны как перечисления по модели: *предлог / наречие – топоним¹ – наречие / предлог – топоним²* и т. д. Придаточное определительное, уточняющее топоним, единично: *in die huruwinun struot, diu dar heizzit Giggimada* – «в (то) топкое болото, которое там зовется покос Гика». WM II – это жанровый «предшественник» поземельных кадастров, текст локального предназначения, содержащий публично-правовую информацию, а не официальная грамота, полностью немецкоязычные форматы которых появляются только с XIII века.

Н.Р. Вольф отмечает в парной формуле – констатирующей фразе WM II рефлекс аллитера-

ционной техники (Stabreim): *jôh frono jôh friero Franchono erbi* – «наследие как знатных, так и свободных Франконии» – как стилистический прием древнегерманского устного права [Wolf 2003, S. 119]. Краткие перечислительные синтагмы протокола были удобны для устного прочтения/оглашения. Косвенным подтверждением устной формы презентации WM II являются отмеченные в некоторых словах ударения.

Для рукописи WM II как памятника периода создания двн. письменности прототипичен т. н. англо-саксонский минускул, характерный для скриптория Фульды и ее орфографического узуса (т. н. репрезентативный шрифт), с тремя простыми инициалиями – маркерами указанных частей текста. Это отмечает особую важность фиксации текста. Позднейшее, инсулярное письмо (каролингский минускул) евангелиара из Фульды, присущее копиям и, вероятно, не сохранившимся оригиналам обоих описаний, указывает на визуальное удобство и предназначенность такого текста для прочтения [Wolf 2009, S. 229].

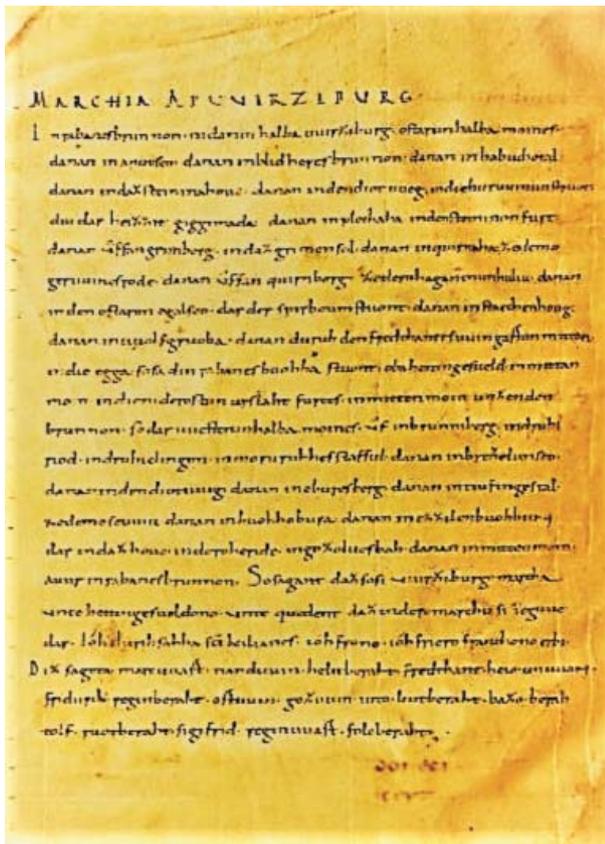

Рис. 2. Оригинальное изображение рукописи WM II
 Fig. 2. Original image of the WM II manuscript

В отличие от упомянутого автора записи WM II пресвитера Бернгера (имевшего полномочия нотариуса; ср.: *ego <...> hanc notatiam scripsi, diem et tempus notavi*), о писцах – авторах оригинала и копии WM II – ничего не известно. Очевидная принадлежность квалифицированного, судя по каллиграфии памятника, копииста (монаха?) к традиции статусного скриптория Фульды

в пост-каролингскую эпоху (конец X века) позволяет рассматривать его как языковую личность: как билингва (латынь + родной язык-диалект) и как диглоссанта (родной язык-диалект + восточнофранкский ТВ ПЛЯ) (здесь и далее территориальный вариант письменного литературного языка – ТВ ПЛЯ). Это стало возможно именно в широком коммуникативном сообществе Фульды [Eggers 1966, S. 12], являвшейся в конце X века центром миссионерской деятельности, образования, латинской и двн. письменности, книжной традиции. Орфографическая традиция Фульды в написании смычных взрывных согласных отмечается по всей южной Германии [Жирмунский 1956, с. 49]. Продукция ее скриптория передавалась и Вюрцбургскому епископству (евангелиар с копиями WM I и WM II хранился в библиотеке местного собора).

Рассматривая WM II в контексте начальной стадии каролингского Возрождения, в частности активного развития, аналитики и фиксации форм права, можно считать его уникальным и жанрово своеобразным источником публичного аграрного права/управления, важным региональным лингвокультурным феноменом двн. письменности.

2. Ареальные черты языка памятника

Самыми древними рефлексам древнефранкского языка, но без четкой диалектной локализации являются словарные вкрапления-термины древнего права франков в латинских сводах законов *Lex Salica* и *Lex Ribuarica* (VI – середина VIII вв.). Собственно восточнофранкских текстовых памятников, к которым относится WM II, с учетом сложностей ряда межрегиональных локализаций (перевод Исидора, песнь о Гильдебранде) в VIII–IX и XI вв. сохранилось около десяти, заметно меньше, чем в других двн. ареалах. Основная их часть относится к известному скрипторию монастыря Фульды, где около 800 года записан и фрагмент перевода из *Lex Salica* [Mettke 1982, S. 30–31]. Ближайшие по времени и месту создания к WM II памятники, но иной жанровой принадлежности – это двн. глоссы в латинских источниках (30 рукописей, ок. 800 г.); текст Вюрцбургской исповеди (*Würzburger Beichte*, середина IX века), записанный малоопытным писцом на страницах латинского кодекса проповедей (служебника?) [Wolf 2003, S. 120–122].

Исследователи определяют локализацию языка WM II как восточнофранкский диалектный субареал верхненемецкого. Включаясь в южнонемецкий ареал, восточнофранкский часто рассматривается как разновидность верхнефранкского наряду с южно(рейнско)франкским [Филичева 2003, с. 11]. В исторической динамике он активно участвовал как «зона столкновений» в интеграции верхненемецких и франкских наречий, бывших центром излучения инноваций в сфере вокализма в VIII–X вв., открытым для рецепции южнонемецких консонантных инноваций ландшафтом. Поэтому лингвогеографическими маркерами восточнофранкских памятников считается комби-

нация консонантных (реализация кроме начальной позиции двн. передвижения [k – kh], отверждение [th – d]) и вокалических признаков (дифтонгизация германских долгих [*ō – uo] и [*ē² – ia/ie]) [Sonderegger 1974, S. 65]. Дифтонгизация вместе с развитием конечной редукции считаются также древне-франкской новацией в двн. языке [Зеленецкий 1992, с. 103].

Классик германского исторического языкознания Вильгельм Брауне (1850–1926) постулировал древний восточнофранкский как «эталон сопоставления» в исследовании и презентации строя разрозненных двн. письменных диалектов (Normalalthochdeutsch/Normalform), формируя блоки/матрицы примеров на фонетической (консонантной) основе памятников восточнофранкской письменности начала IX века. Он заложил этот принцип в свои базовые для истории немецкого языка труды, сделав его традиционным при унификации примеров двн. языка [Braune 1950, S. 6, 79; Жирмунский 1956, с. 48].

Активная роль древнефранкского уже на этапе сложения «протонемецкого» языка/языкового ареала (сюда включается и Майнская Франкония) до письменного периода VI–VII вв., его доминантность в раннем двн. языке отмечают многими исследователями. Но в X веке с распадом империи Карла Великого происходит спад его престижности [Зеленецкий 1992, с. 25, 107].

В социолингвистическом плане активное участие восточнофранкского в двн. интеграции объясняется ведущей политико-культурной ролью франков в рассматриваемый период, а центральное географическое положение франкских диалектов сделало их связующим звеном между всеми древне-немецкими языковыми ландшафтами. Показательно, что первое употребление в 786 году латинизированного прилагательного *theodiscus* (совр. deutsch – «немецкий») как этнолингвонима в тексте синоидальных решений Карла Великого об использовании «народного языка» наряду с латынью в богослужении, а затем устойчивое словосочетание *theodisca lingua* (788 год) служили до середины IX века официальным (документальным) наименованием народного (древнефранкского) наречия, закрепившись позже в памятниках уже на родном языке в генерализованном значении «немецкий» [Филичева 2003, с. 12–13].

Но язык WM II не является фиксацией древнего восточнофранкского территориального диалекта VIII века, отражая формирующуюся наддиалектную, письменно-литературную форму двн. идиомы, отмеченную обработанностью, элементами сознательного, хотя недостаточно действительной и долговременной селекцией языковых единиц. Носителями и создателями этой новой формы существования языка (письменного узуса) были монахи-клирики и небольшая образованная часть высшего духовенства и феодального дворянства Франкского государства. Она использовалась преимущественно как вторичное средство пись-

менной коммуникации и перевода наряду с латынью – неавтохтонным универсальным литературным языком. Поэтому запись WM II полностью на родном языке как памятника обычного права, сфера которого не была центральной для использования двн. ТВ ПЛЯ, уникальна.

Древне-немецкий письменно-литературный язык был изначально ареально дифференцирован, функционируя как динамичная совокупность (диасистема) разных по статусу территориальных вариантов письменного литературного языка [Филичева 2003, с. 13–14], что согласуется с онтологической плюрицентричной моделью его становления и развития [Дубинин 2000, с. 7–8]. Каждый из ТВ ПЛЯ VIII–XI вв. складывался на базе конкретного диалектного ареала, конституировался и оформлялся в «замкнутом формате» в центрах региональной письменности – скрипториях и школах (монастырских, соборных, епископских и др.) и в их филиалах, что формировало «локусы письменности» (Schreiborte). Не имея широкой коммуникативной базы, отдельные статусные ТВ ПЛЯ могли дисперсно использоваться в центрах письменности с иным диалектным окружением, ориентируясь как языковые формации на определенные жанры [Гухман, Семенюк 1983, с. 44].

Так, восточнофранкский ТВ ПЛЯ, оформляясь уже с конца VIII века, был связан с упомянутым диалектным ареалом, но не отличался монолитностью, его памятники жанрово разнолики. Основными центрами письменности и учености в рассматриваемом регионе Майнской Франконии, хотя не все из них использовали и культивировали родной язык, были скриптории и школы епископств Вюрцбурга (осн. в 742 г.) и Бамберга (в подчинении Вюрцбурга, автономно с 1007 г.), трех монастырей в Вюрцбурге (осн. в 740-е гг.). Но более всего это расположенные севернее статусный бенедиктинский монастырь и аббатство в Фульде (осн. Каролингами в 744 г., скрипторий учрежден в 776 г.), обладавшие большим весом по сравнению с Вюрцбургом, где не создано двн. памятников значительного формата. Фульда, вошедшая в историю как «колыбель католичества», центр «каролингского Возрождения», имела имперские и папские привилегии, лишь частично подчиняясь епархиальному управлению епископства Вюрцбурга в вопросах литургии (Würzburg Wiki).

Восточнофранкский ТВ ПЛЯ длительное время активно развивался, традировался (о чем свидетельствуют перезаписи WM I и WM II) и зафиксирован в нескольких значимых памятниках двн. письменности именно в Фульдском монастыре (перевод евангелия Tatian, ок. 830 года; богослужебные тексты, глоссы), хотя он находился в ином – рейнскофранкском (не южнонемецком) диалектном окружении. Не восточнофранкский, а рейнскофранкский ТВ ПЛЯ пользовался большей престижностью, рассматривался в VIII–IX вв. как образцовый, поскольку был принят при дворе Карла Великого [Филичева 2003, с. 14].

В эксклавируемой форме через «перенос» письменной традиции восточнофранкский ТВ ПЛЯ представлен в IX веке в монастыре Рейхенау (Швабия), а в середине XI века – в скриптории монастыря Эберсберг (Бавария). Как и вся двн. письменность восточнофранкский ТВ ПЛЯ отличался прерывистостью развития, будучи полностью лакунарным примерно на столетие (940-е – 1040-е гг.), а к XI веку утратив свою значимость [Wolf 2003, S. 118].

В контексте данного исследования важно, что памятники восточнофранкского ТВ ПЛЯ отмечены также лексическими особенностями (см. далее на примере WM II), а древне-франкские диалекты в целом признаются центром фиксации, излучения и распространения инновативной правовой лексики в двн. языке в целом [Sonderegger 1974, S. 255].

3. Лексический состав и семиотика памятника

Словарный состав WM II – это в основном онимы (топонимы, антропонимы), небольшая группа нарицательной лексики (среди них единичные социальные термины) и несколько служебных слов, которые стилистически и тематически маркированы. Анализ лексики (мы ограничились формально-содержательным аспектом) позволяет реконструировать, уточнить содержательные и дискурсивные параметры аграрных отношений в Майнской Франконии конца VIII века, наметить важные для словаря и ономастики двн. языка тематические изоглоссы этой сферы, их парадигматику, декодировать формат и семиотический подтекст самого памятника.

Скудная «протокольная» двн. вербальная лексика представлена глаголами говорения *sagēn* и *quedan* в близком значении «говорить, сказать, сообщать, подтверждать» и глаголом-связкой *sīn* в форме опатива. См. констатирующую парную итоговую формулу с формами настоящего времени (придаточные объектные предложения): *So sagan, daz so si <...> unte queden, daz <...>* – «Так говорят/подтверждают, что это является <...> и сообщают, что <...>». Свидетельство присяжных обобщено в конце претеритальной формой: *Diz sageta ...* – «это сказал/подтвердил <...>». Включенными в описательные топонимические словосочетания являются многозначные двн. глаголы *heizzan* – «зваться, называть, именовать» и *stantan* – «стоять, находиться». Ср. *diu dar heizzit Giggimada* «(тот) там зовется покос Гика»; *dar der spirboum stuont* – «там (та) стояла рябина», *sosa diu Rabanes buohha stuont* – «где стоял (тот) бук Рабана (?)».

Двн. прилагательные представлены только в атрибутивной функции в составе топонимов-словосочетаний, социальных терминов *frono joh friero Francho no erbi* – «наследство знатных и свободных Франконии» (см. подробно далее), а также уточняющих номинаций для ориентации при обходе демаркации присяжными. Ср.: *ostar* – «восточный», *westar* – «западный», *nidari/niderost* – «(самый) низкий». Отметим регионализмы (встре-

чаются только в WM II) *haganīn* – «заросший колючками, терновником» < *hagan* (м. р.) – «терновый куст»; *hugwīn* – «болотистый, топкий» < *horo* (ср. р.) – «грязь» (Schützeichel 1974, S. 75, 89).

Служебные части речи представлены в WM II небольшой группой многозначных пространственных, относительных и временных наречий: *dar* – «тут, там», *ieguuedar* – «тут и там, обоюдно», *mittan in/in mitten* – «посередине», *danan* – «затем, потом, оттуда», *so* – «так, также», а также предлогов *ūf/ūffan* – «на, к, в, через», *duruh* – «через, сквозь», *ze* – «к, у», *in* – «в», *oba* – «над, из», *unzin* – «до» и союзов *unte* – «и», *joh* – «и, как и, но», *daz* – «что», *sosa* – «как, как и», *auch* – «но». Отметим маркированные по родам указательные местоимения *der, diu, daz* с детерминирующей (предартikleвой) функцией. Эти средства играют в WM II как протоколе последовательного осмотра местности как связующую, так и текстообразующую роли.

Исследователи дают разнообразной ономастической лексике WM II различное формально-содержательное толкование и атрибуцию. Так, текст WM II отразил, как в меньшей мере и WM I, древнюю традицию демаркации по природным объектам, фиксируя и номинируя аграрные реалии, а также взаимоотношения церкви, королевской власти, феодалов и вольных землевладельцев, отмечая актуальные для конца VIII века в Майнской Франконии приоритеты. Топография, ономастикон и антропонимы WM II не дублируют WM I, хотя отмечаются их пересечения. Как памятник аграрного права WM II контекстуально коррелирует с естественно-природными характеристиками района – т. н. Майнского треугольника (излучины), среднегорья и холмистая местность с удобными плато, склонами, майнской котловиной, прилегающими компактными долинами, излучинами. Выгодные условия для скотоводства, садоводства, разнообразного земледелия на лессовом грунте, особенно для виноградарства на известняковых почвах, возникли благодаря защищенности региона с севера лесами, обводненности, благоприятному микроклимату.

В первую очередь показательна собирательная номинация *chirih sahha sancti Kilianes* «церковная собственность Св. Килиана», названная первой в итоговой фразе WM II в триаде субъектов аграрных владений. Указана отнесенность к церкви Св. Килиана, каковой ко времени создания WM II являлся возведенный в 788 году собор (в прямом значении) – *Kiliansdom* (впоследствии епископский и кафедральный), названный *Christus Salvator*. Примечательно, что WM II не обозначает владения как епископские (епископы не упомянуты), как относящиеся к активному прираставшему благодаря земельным дарениям первых Каролингов Вюрцбургскому епископству/епархии. Вероятно, что «церковь Св. Килиана» была для этого первоначальной переносной номинацией: период становления Вюрцбургского епископства обозначал-

ся как «эпоха Килиана» (Kilianszeiten). Указанные далее *joh Frono joh friero Frachono erbi* «наследия франков как господ, так и вольных» (т. е. наследуемая собственность господского и также вольного сословий) не разделены как парная атрибутивная формула, что можно трактовать как равноправие в аграрных владениях.

В этой связи следует упомянуть фиксацию в WM II рефлексов дофеодалных форм землепользования как местных релевантных номинаций ойконимов. В частности, уникальную локализацию (левобережная излучина Майна у Вюрцбурга) *herid* (ж. р.), которая семантически интерпретируется как «земельные (пастбищные?) угодья, находящиеся в общинной собственности; общинный округ» и отмечена только в этом памятнике (Schützeichel 1974, S. 82). Попытки этимологизации данной архаичной лексемы как «каменистая земля» неубедительны (Althochdeutsches Lesebuch 1958, S. 202). Уникальной лексемой в WM II (диалектизм?) является употребленное при упоминании глубокого брода на Майне *urslah* (ж. р.) – «углубление, низина» (Schützeichel 1974, S. 217). Словообразовательно она интерпретируется как префиксально-суффиксальное образование с результирующей семантикой (форманты *ig-*, *-t*) от многозначного двн. глагола *slahan* – «бить» в значении «выемка, выбоина, ров».

Но в контексте WM II архаичные отношения дофеодалной сельской общинной собственности групп поселений четко не тематизируются. Кроме WM II ключевая лексема *marchia/marcha* (ж. р., основа на *ō*) фиксируется в шести двн. текстах, в том числе только в одном восточнофранкском (перевод Tatian, середина IX века) (Schützeichel 1974, S. 123). Она полисемантическая, имея метонимические расширения значения: «граница, предел/конец, пограничная марка, страна, область(-и)». В раннем двн. языке *marchia* имеет переносное значение: «округ в известных границах, включавший разного рода владения в общинной / частной собственности, позднее крупные государственные локации с особым правлением (маркграфства)». Так, для защиты от набегов западных славян Карл Великий учредил обширную «Франконскую марку».

Преобладание в WM II в словоформах варианта с графемой <ch> для обозначения двн. аффрикаты указывает на исконную южнонемецкую локализацию лексемы. Она являлась древним общегерманским обозначением границы, первоначально ассоциируясь в этноплеменном языковом сознании с установлением границ родственных этносов или семей/общин, но была, несмотря на словообразовательную активность, вытеснена в общенемецком языке [Дубинин 2009, с. 19–20, 22]. В латинском тексте WM I слово представлено как иноязычное (*marcha*) и не зафиксировано в вульгарной раннесредневековой латыни как отдельное заимствование (Дворецкий 1986, с. 472).

Среди редких ойконимов отметим титульное, различающееся в обоих памятниках назва-

ние Вюрцбурга (основан франками ок. 560 года). WM I фиксирует его как «очужденную» в латинском текстовом окружении косвенную словоформу *Uuirziburganensium* – «вюрцбургская». Это раннее латинизированное название с заимствованным вульгарной латынью из германских языков корнем *burgus* (м. р.) – «бург, укрепленное городское поселение» (Дворецкий 1986, с. 108). Но WM II фиксирует уже автохтонную двн. форму *Uuirziburg*, датируемую началом VIII века, близкую к названию герцогского бурга – резиденции Хетанидов (с 650 года) на горе Мариенберг, впервые упомянутую в латинских документах как крепость *castellum Wirciburg* (704 год), так же как *virteburh*; в грамоте об основании епископства (742 год) – как *Wirzaburg*; в житии Св. Киллиана – как *Wirciburg* / *Wirziburg* (середина IX века) (*Würzburg Wiki*).

Примечательно первое упоминание в WM II отсутствующего в WM I ойконима *Heidingsfeld*: *oba Heitingsveld in mittan Moin* – «выше Хайдингсфельда посредине Майна». Эта косвенная квазипозитивная «ассоциация» с упомянутыми Хетанидами этимологизируется как «поле/местность Хетана»¹, вероятное поселение-владение Хетана II (? – 719)¹, сына герцогской супружеской пары, обвиненной в убийстве Св. Килиана, последнего в упраздненной Каролингами местной династии. «Позитивация» имен Хетана/Хетанидов в местной лингвокультуре связана с культом дочери Хетана II благословенной Иммины (ок. 670 – ок. 750), аббатисы первого основанного ее отцом ок. 700 года монастыря Св. Марии в Вюрцбурге, передавшей его епископскому правлению, погребенной в соборе Вюрцбурга и упоминаемой на местном престольном празднике наряду со святыми епископства (*Würzburg Wiki*).

В финальной части WM II в отличие от зачина фиксируется дуальное обозначение *Uuirziburgo marcha unte Heitingsveldono* – «марка/область Вюрцбурга и Хайдингсфельда». В 799 году Карл Великий распорядился уточнить демаркацию между епископским Вюрцбургом и автономным Хайдингсфельдом, который в начале IX века упомянут как деревня в королевском владении (*villa*), находящаяся в ленной собственности местного графа, позднее как независимое от Вюрцбурга имперское поселение (*Würzburg Wiki*).

Топонимы (ойконимы) WM II (около 40 единиц) не все являются устойчивыми названиями, относятся не только к левобережью Майна (как фиксируемые WM I), но и к правобережью. Они маркируют земледелие, скотоводство, транспортные артерии, косвенно и социум региона Вюрцбурга. Некоторые условны как типичные аграрные/природные локусы Майнской Франконии, например: *halba Moines* – «берег/сторона Майна», *steinin houc/furt* – «каменистый холм/брод», *daz houc in dero heride* – «(тот) холм на пастбище», *die egga* – «(тот) угол, теснина», *huruuin struot* – «топ-

¹ Ок. 700 года Хедан II покинул Вюрцбург, построил в Фульде новую резиденцию с храмом.

кое болото», *haganin hulua* – «заросшее колючками болото/лужа», *sol* – «лужа, водопой», не имеют конкретизации: *der brunnen* – «(тот) колодец», *der seo* – «(то) озеро (пруд)». Примечательно отсутствие субстратных алеманнских (дофранкских) форм: завоевание франками на рубеже VI века региона Среднего Майна, их водворение и последующая колонизация, вытеснение алеманнов обусловили формирование автохтонной топонимики (Würzburg Wiki).

В основном отмечаются микротопонимы – наименования небольших физико-географических объектов, известных в регионе Вюрцбурга, нередко сменившихся или видоизменившихся². Например, *Tiufingestal* отождествляется исследователями с современным районом Вюрцбурга *Steinbachtal* (Würzburg Wiki). Названы и несуществующие (мемориальные) объекты как вероятные ориентиры для присяжных-смотрителей, ср.: *dar der spirboum / diu rabanes buohha stuont* – «где стояла (та) рябина / стоял (тот) вороний (?) бук». Показательно отсутствие в WM II номинаций зернового земледелия и садоводства типа «пашня», «надел», «посев», «сад». Представлен только агрооним *wingarto* «виноградник», принадлежавший Фретганту (см. далее).

Преобладают различные гидронимы, среди них есть лимнонимы, спелеонимы (река, ручей, родник/источник, колодец, озеро, пруд, болото, лужа, водопой), это: *Main / Moin, Entensee / Anutseo, Blutegelsee (Egelsee) / Egalseo, Rabansquelle / Rabanesbrunno, Kürnach / Quirnaha, Pleichach / Pleihaha, Wasserloch (Grainmorast) / Grimensol*. Название Майна представлено как и в WM I в архаичной заимствованной форме *Moin* < латинское *Moenus / Moenis* < кельтское **mo(g)in*, которое на протяжении Средневековья фиксировалось как *Moyn(e)*.

Отмечаются лексемы с элементами – неидентифицируемыми антропонимами: *See des Brezzo (Brezelunsee) / Brezelunseo* – «озеро Брецо» (отмечено и в WM I), *Bach des Gozolf (Gozolvesbach) / Gozoluesbah* – «ручей Гоцольфа», *Quelle des Blidherr (Blidheresbrunnen) / Blidheresbrunno* – «колодец Блидгера». Есть уточняющее название: *die huuuinun struot, die dar heizzit Giggimada / Gicksmad (Mahdplatz des Gick)* – «(тот) болотистый луг, называемый там покос Гика». Упомянутые Кюрнах и Плехах известны в настоящее время как малые реки бассейна Майна в районе Вюрцбурга, издавна питавшие мельницы (*Quirnaha* – «мельничный ручей»). Озеро Эгельзее фиксируется не в окрестности, а в центре Вюрцбурга – исчезнувший стоячий водоем на месте заболоченных садов (городского рва), где водились пиявки (*egalseo* – «зеро пиявок»), свидетельствуя о традиционности этой номинации в регионе (Würzburg Wiki).

За гидронимами количественно следуют оронимы (возвышенности, горы, объекты рельефа):

Steiniger Hügel / steinina houc, Greinberg (Grainsberg) / Grimberg, Kürnachsberg / Quirnberg (вероятный исток ручья Кюрнах), *Brunnenberg / Brunniberg, Büchelberg (Eburesberg) / Eburesberg, Höchberg / Houhhobura, Wolfsgrube / Uuolfgruoba, Steinbachtal / Tiufingestal, Habichtstal (Habuchotal) / Habuchotal*. Единично отмечен как элемент, не идентифицируемый антропонимом, *Hügel des Stacko (Stacchenhügel) / Stacchenhoug* – «холм Стахо». На современной карте пригородов Вюрцбурга, кроме отмеченного *Steinbachtal*, сохранились другие тождественные WM II названия: склон Бруннберг на берегу Майна (назван и в WM I), возвышенность Грайнберг, речная ложбина Вольфсгрубе (к ней примыкал виноградник Фретганта). Вероятно, что район на западе города Хехберга, упомянутый как *hugbur* в латинской дарительной грамоте первого епископа Вюрцбурга Бургхарда основанному им монастырю (742 год), соотносим с *huohhobura*. Но Штайнберг на севере Вюрцбурга, крупнейший и лучший район виноградарства, можно соотнести с *steinina houc* в WM II условно, как традиционную местную номинацию (ср. пример с Эгельзее) (Würzburg Wiki).

Небольшой группой представлены агроонимы – все с элементами-антропонимами, что прагматически маркирует их как локальные номинации именно частных владений: *Mahdplatz des Gick (Gicksmahd) / Giggimada* – «покос Гика», упомянутый *Weingarten des Fredthandt / Fredthantes uuingarto* – «виноградник Фретганта», *Fallen-Ried (Druhiried, Druhiklinge) / Druhiriod, Druhiclingon* – «участок, болото/промоина Друха» (упомянут также в WM I). Указано «корчевье Гервина» (*Rodung des Gerwin / Geruines rod*), который упомянут в списке свидетелей WM I, но его нет в WM II (умер ко времени создания?). Возможно, что с именем этого мелкопоместного дворянина (?) связано название местности/поселка в Вюрцбурге *Gebrunn* < *Gerwinsbrunnen* («колодец Гервина»), где культивировалось виноградарство. Кроме него и виноградаря Фретганта, который упомянут в WM I первым в третьем списке присяжных (как старший?), остальные личности не идентифицируются.

Отметим также как единичные топонимы: дроним – название дороги *Heerstraße / diotuueg* и упомянутый фитоним *Rabanes buohha*. Особняком стоит трудно интерпретируемое *Moruhhesstafful / Grenzstein des Moruch (Moruhhesstaffel)* – «пограничный знак Моруха». Вероятно, что это уникальная ранняя номинация аграрной демаркации, но в другой интерпретации это ороним «уступ Моруха» [Mittelalter I. 1982, S. 38]. Этот топоним представлен в WM I как *Moruhhesstein* – «камень Моруха», т. е. отчетливо как межевой камень (знак).

Словообразовательно топонимы в основном являются двусоставными композитами (отсутствие в структурах соединительного элемента маркирует их как древние собственно сложные слова), реже – словосочетаниями. В их структуре выделяются многочисленные вторые опреде-

² Указаны их современная и див. формы, при необходимости для интерпретации семантики дан дословный перевод. В скобках для примера приведены варианты толкования.

ляемые компоненты (20 единиц), но показательны различные детализованные обозначения болот: *strut, sol, hulua, riud* (эти двн. лексемы отмечены только в WM II). Чаще других отмечены: *seo* – «озеро», *tal* – «долина», *brunno* – «колодец», *berg / bur* – «гора» и *houg* – «холм». Также это: *uueg* – «дорога», *mada* – «покос», *furt* – «брод», *aha* «поток, река», *gruobe* – «яма», *uuingarto* – «виноградник», *clinga* – «водопад», *stafful* – «знак/уступ (?)», *bah* – «ручей», *gode* – «(новое) корчевье» (лексема зафиксирована только в WM II).

Лексемы *brunno* (м. р.) – «колодец, источник» (относится к общегерманской лексике) и *furt* (м. р.) – «брод» (зафиксированы только в WM II, так же как словообразовательные компоненты топонимов) показательны как смысловые доминанты «ономастического пространства» текста, семиотические маркеры его топографии. Источники (колодцы) питьевой и грунтовой воды издавна известны, традиционно значимы (также водопои, фонтаны, каскады) в церковной, мемориальной, градостроительной и экологической субкультурах Вюрцбурга (известно более 600), называемого краеведами *eine Stadt der Brunnen*. С удобными бродами на среднем Майне и главным в районе современного Старого моста связано возникновение (первоначально на левобережье) и развитие Вюрцбурга в VI–VII вв. как восточнофранкского городского торгового поселения, подвластного Меровингам. Символика «колодца/источника» стала маркером монастырской традиции и культа Св. Килиана в Вюрцбургском епископстве.

Анализ антропонимов в контексте данного исследования ограничивается структурой, внутренней формой и их мотивационной моделью: прозвище / кличка (древнейшие категории), имя-титул, но менее отчетливы их этимология и ареальные черты. Показательно отсутствие среди антропонимов WU II патронимов, имен и титулов восточнофранкских герцогов, их топосов или земельных наследий (стигматизация?), имен епископов и чиновников епархии. Раздельно следует рассмотреть мужские антропонимы (первые немецкие фамилии датируются XII веком) как перечисленные в финальной формуле WM II имена собственные присяжных-свидетелей демаркации (их 18), а также имена как компоненты топонимов (их 11).

Первые расположены единой группой не по алфавиту (по старшинству, значимости?): *Marcuuart, Nanduuin, Helitberaht, Fredthant, Unuuan, Fridurih, Reginberaht, Ortuuin, Gozuuin, Liutberaht, Beratolf, Ruotberaht, Sigifrid, Reginuuart, Folcberaht*. Вероятно, что первое имя *Marcuuart* – старший присяжных с «говорящим» в семиотическом контексте WM II именем (< двн. *marca + wart* – «сторож границы»). Косвенно это доказывается итоговой формулой с формой единственного числа глагола: *Diz sageta Marcuuart* – «это сказал/подтвердил Маркварт». Вероятно, что Маркварт оглашал свидетельствование от лица всех присяжных. Три их имени имеют сокращенную/усеченную разговорную форму

(*Heio, Iuto, Vazo*) с флексией м. р. -o, восходившую исторически к ласкательной форме детской речи, но не являвшуюся маркером низкого социального статуса их носителей [Kunze 1999, S. 21].

Как отмечалось, исторически засвидетельствован только вюрцбургский вольный виноградарь Фретгант (*Fredthant*), упомянутый как *testor* в WU I (третий и четвертый перечни присяжных). О других повторно упомянутых в WM II персоналиях из WU I (*Marcuuart, Ortuuin, Berehtolf/Berahtolf, Juto, Fridurih, Unuuan*), которые вчетверо большем числе были представлены в четырех группах свидетелей, каждая из которых фиксировала/обходила свой участок, нет данных. Кроме присяжных (*testes*) это, судя по латинским обозначениям в WM I, представители местной знати (*optimatibus*), общинные старшины (*senibus istius provinciae*), вероятно, также землевладельцы или хозяева подворий.

Шесть антропонимов со вторым, реже с первым адъективным компонентом *-beraht/beraht-* регионально маркированы, т. к. это прилагательное отмечено только в старофранкских памятниках, имея в двн. языке значение «светлый, сияющий, блестящий», а также как производящая основа (*Schützeichel* 1974, S. 13). Второй компонент трех имен *wîn* < двн. *wîni* этимологизируется как «друг (человек)», например, *Ortuuin* является многозначным двн. прозвищем: «(тот) из местечка; живущий на краю/в углу» [Kunze 1999, S. 71].

Как отмечалось, иногда антропонимы³ входят как первый компонент (определяющее слово) в состав топонимов-композигов (слитное написание): *Blidher, *Gigg(o), *Grim(o), Stacch(o), *Druh(o), Moruch, *Brez(o), Gozolf, Raban*, или оформленных как словосочетания (раздельное написание): *Gerwin, Fredthant, Raban, *Grim(o)*, или же фиксируются двояко. Примечательна весома доля и среди них разговорных (сокращенных) форм мужских имен с -o.

Этимологически для некоторых из этих антропонимов типична модель прозвищ: *Blidher* (< двн. *blidi* – «веселый, радостный» + *hero* – «господин»), *Fredthant* (< двн. *frēde* – «чужой» + *hant* – «власть, владение»), *Gerwin* (< двн. *gēr* – «копье» + *wîni* – «друг (человек)»). Чаще антропонимический компонент онимов не определяем (затемнен), например, упомянутые *Rabanes buohha, Rabanesbrunno* интерпретируются как двн. мужское имя, или как «ворон» («вороний бук», «вороний источник?»).

Ареальная принадлежность данной группы имен (как композитных элементов) с большой долей вероятности, чем имен в списке присяжных, определена как древнефранкская. Имена-прозвища с компонентом *-gēr(i)-* фиксируются как распространенные в регионе упомянутого монастыря Фульда с VIII века [Kunze 1999, S. 18]. Показательны как южнонемецкие черты антропонимов: наличие дифтонга <uo> (*Ruotberaht*), аф-

³ (*) отмечены реконструируемые нами формы двн. имен.

фрикаты <ch> (*Staccho*) в интервокальном положении, графическое обозначение глухости <dt> (*Fredthant*).

Заключение

Как ранний памятник двн. письменности текст WM II отразил эксперимент с родным языком, составивший смелую «конкуренцию» латинской традиции в дискурсе аграрного права эпохи Каролингов, наметив также становление жанров деловой письменности на немецком языке, в частности протоколов, а затем и кадастров. В дискуссии о периодизации истории немецкого литературного языка следует обозначить верхнюю границу его датировки не IX веком, а последней четвертью VIII века, которую можно определить как «всплеск» правовой письменности на родном языке в рамках традиции Каролингов.

Как малоформатный юридический памятник WM II демонстрирует особую смысловую природу, кодирует/содержит ценную историко-культурную информацию, уникальные реликты переходной раннефеодальной эпохи в Германии. Его справочная (референциальная) функция, в частности топонимическая и антропонимическая семиотика, усиливается его интертекстуальными связями с другими, не только юридическими, двн. памятниками VIII века (в частности, из скриптория Фульды), которые еще предстоит изучить германистам.

Перспективы дальнейшего исследования данной темы связаны со сравнительным анализом всего корпуса латинских и двн. описаний/установлений демаркаций VIII века в ситуации письменного латинско-немецкого двуязычия, рассмотрения «рефлексов» двн. языка права как потенциальных калек, что попытался отразить в своем словнике еще В. Брауне (*Althochdeutsches Lesebuch* 1958, S. 175–255). Микросинтаксис, связность и структура WM I и WM II в сопоставлении, а также смежных с ними памятников текстов, например определительные сочетания, придаточные предложения, номинализация, становление предартикли и другие историко-грамматические и стилистические аспекты, также могут стать темами отдельного исследования.

Материалы исследования

Althochdeutsches Lesebuch 1958 – *Althochdeutsches Lesebuch* / Hrsg. von W. Braune. Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 1958. S. 10–12.

Altdeutsche Texte 1970 – *Altdeutsche Texte* / Hrsg. von H. Mettke. Leipzig: Bibliogr. Institut, 1970. S. 18–20.

Mittelalter I. 1982 – *Mittelalter I.* Die deutsche Literatur in Text und Darstellung / Hrsg. von H. J. Koch. Stuttgart: Ph. Reclam junior, 1982. S. 37–38.

Quattuor Evangelia – *Quattuor Evangelia*, 208 v: Zweite Würzburger Markbeschreibung. URL: <http://vb.uni-wuerzburg.de/ub/mpthf66/pages/mpthf66/416.html> (accessed: 17.12.2020)

Schützeichel 1974 – *Schützeichel R.* Althochdeutsches Wörterbuch. 2 Aufl. Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 1974. 250 S.

Topographia Franconiae – *Topographia Franconiae*. Würzburg: Markbeschreibungen. URL: https://vb2.uni-wuerzburg.de/smw/topographia/index.php/W%C3%BCrzburg:_Bayern,_Unterfranken,_W%C3%BCrzburg:_Stadt (дата обращения: 17.12.2020)

Würzburg Wiki – *Würzburg Wiki*: freie Online-Enzyklopädie für die Stadt und den Landkreis Würzburg. URL: https://wuerzburgwiki.de/wiki/Wiki_f%C3%BCr_W%C3%BCrzburg:_Hauptseite (дата обращения: 17.12.2020)

Дворецкий 1986 – *Дворецкий И.Х.* Латинско-русский словарь. Москва: Русский язык, 1986. 840 с.

Библиографический список

Braune 1950 – *Braune W.* Althochdeutsche Grammatik / Bearb. von K. Helm. 7 Aufl. Halle (Saale): Niemeyer, 1950. 326 S.

Eggers 1966 – *Eggers H.* Deutsche Sprachgeschichte I. Das Althochdeutsche. München: Rowohlt, 1966. 261 S.

Kunze 1999 – *Kunze K.* dtv-Atlas Namenkunde. Vor- und Familiennamen im deutschen Sprachgebiet. München: Deutscher Taschenbuchverlag, 1999. 240 S.

Mettke 1982 – *Mettke H.* Älteste deutsche Dichtung und Prosa. Leipzig: Ph. Reclam junior, 1982. 309 S.

Naumann 1987 – *Naumann H.* Familiennamenbuch. Leipzig: Bibliogr. Institut, 1987. 328 S.

Schmidt 2007 – *Schmidt W.* Deutsche Sprachgeschichte. Ein Lehrbuch für das germanistische Studium. 10 Aufl. Stuttgart: Hirzel, 2007. 432 S. URL: https://www.fly-unicorn.com/LP_TA/index.cfm?T=439383.

Sonderegger 1974 – *Sonderegger St.* Althochdeutsche Sprache und Literatur. Eine Einführung in das älteste Deutsch. Berlin-New York: W. de Gruyter, 1974. 272 S. URL: <https://docplayer.org/36928086-Althochdeutsche-sprache-und-literatur.html>.

Wolf 2003 – *Wolf N.R.* Gibt es althochdeutsche Sprachregionen? Oder: Warum gibt es keine althochdeutsche Schriftsprache // Die deutsche Schriftsprache und die Regionen / Hrsg. von R. Berthele u. a. Berlin; New York: W. de Gruyter, 2003. S. 111–125. URL: https://www.researchgate.net/publication/318629791_Standardisierung_des_Deutschen.

Wolf 2009 – *Wolf N.R.* Große und kleine Grenzen der Sprache und in der Sprache // Русская германистика: ежегодник Российского союза германистов / ред. Н.С. Бабенко [и др.]. Москва: Языки славянской письменности, 2009. Т. 6. С. 226–236. URL: http://www.germanistenverband.ru/attachments/sbor_6.pdf.

Гухман, Семенюк 1983 – *Гухман М.М., Семенюк Н.Н.* История немецкого литературного языка 9–15 вв. Москва: Наука, 1983. 200 с. URL: <http://padaread.com/?book=43104>.

Дубинин 2000 – *Дубинин С.И.* Немецкий литературный язык позднего средневековья: юго-западный ареал. Самара: Самарский университет, 2000. 199 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=30078231>.

Дубинин 2009 – *Дубинин С.И.* Лексема “Grenze, f” и ее синонимы в этимологических словарях немецкого языка // Феномен границы в языке и литературе: междунар. сб. науч. ст. / отв. ред. С.И. Дубинин. Самара:

Самарский университет, 2009. С. 17–23. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=28788936&pf=1>.

Жирмунский 1956 – *Жирмунский В.М.* История немецкого языка. Изд. 4-е. Москва: Изд-во литературы на иностранных языках, 1956. 387 с. URL: <http://books.e-heritage.ru/book/10094192>.

Зеленецкий 1992 – *Зеленецкий А.Л.* Истоки немецкого языка. Калуга: ИЯ РАН – КГПИ, 1992. Ч. 2. 139 с.

Миры дискурса 2015 – *Миры дискурса*: монография / под ред. Н.К. Даниловой. Самара: Самарский университет, 2015. 240 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=24088164>.

Филичева 2003 – *Филичева Н.И.* История немецкого языка. Москва: Академия, 2003. 304 с.

References

Braune 1950 – *Braune W. (1950)* Althochdeutsche Grammatik. Bearb. von K. Helm. 7 Aufl. Halle (Saale): Niemeyer, 326 S.

Eggers 1966 – *Eggers H. (1966)* Deutsche Sprachgeschichte I. Das Althochdeutsche. München: Rowohlt, 261 S.

Kunze 1999 – *Kunze K. (1999)* dtv-Atlas Namenkunde. Vor- und Familiennamen im deutschen Sprachgebiet. München: Deutscher Taschenbuchverlag, 1999. 240 S.

Mettke 1982 – *Mettke H. (1982)* Älteste deutsche Dichtung und Prosa. Leipzig: Ph. Reclam junior, 309 S.

Naumann 1987 – *Naumann H. (1987)* Familiennamenbuch. Leipzig: Bibliogr. Institut, 328 S.

Schmidt 2007 – *Schmidt W. (2007)* Deutsche Sprachgeschichte. Ein Lehrbuch für das germanistische Studium. 10 Aufl. Stuttgart: Hirzel, 432 S. Available at: https://www.fly-unicorn.com/LP_TA/index.cfm?T=439383.

Sonderegger 1974 – *Sonderegger St. (1974)* Althochdeutsche Sprache und Literatur. Eine Einführung in das älteste Deutsch. Berlin; New York: W. de Gruyter, 272 S. Available at: <https://docplayer.org/36928086-Althochdeutsche-sprache-und-literatur.html>.

Wolf 2003 – *Wolf N.R. (2003)* Gibt es althochdeutsche Sprachregionen? Oder: Warum gibt es keine althochdeutsche Schriftsprache. In: *Die deutsche Schriftsprache und die Regionen*. Hrsg. von R. Berthele u. a. Berlin; New York: W. de Gruyter, 2003, pp. 111–125. Available at: https://www.researchgate.net/publication/318629791_Standardisierung_des_Deutschen.

Wolf 2009 – *Wolf N.R. (2009)* Große und kleine Grenzen der Sprache und in der Sprache. In: *Babenko N.S. et al. (Eds.) Russian German Studies: yearbook of the Russian Union of Germanists*. Moscow: Yazyki slavyanskoi pis'mennosti, vol. 6, pp. 226–236. Available at: http://www.germanistenverband.ru/attachments/sbor_6.pdf.

Gukhman, Semenyuk 1983 – *Gukhman M.M., Semenyuk N.N. (1983)* History of German literary language in IX–XV centuries. Moscow: Nauka, 200 p. Available at: <http://padaread.com/?book=43104>. (In Russ.)

Dubinina 2000 – *Dubinina S.I. (2000)* Late-medieval German literary language: south-western region. Samara: Samarskii universitet, 199 p. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=30078231>. (In Russ.)

Dubinina 2009 – *Dubinina S.I. (2009)* Lexeme “Grenze, f” and its synonyms in etymological dictionaries of the German language. In: *Dubinina S.I. (Ed.) Phenomenon of the border in language and literature: international collection of scientific articles*. Samara: Samarskii universitet, pp. 17–23. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=28788936&pf=1>. (In Russ.)

Zhirmunsky 1956 – *Zhirmunsky V.M. (1956)* History of the German language. 4th edition. Moscow: Izd-vo literatury na inostrannykh yazykakh, 387 p. Available at: <http://books.e-heritage.ru/book/10094192>. (In Russ.)

Zelenetsky 1992 – *Zelenetsky A.L. (1992)* The origins of the German language. Kaluga: IYa RAN – KGPI, part 2, 139 p. (In Russ.)

Worlds of discourse 2015 – *Danilova N.K. (Ed.) (2015)* Worlds of discourse monograph. Samara: Samarskii universitet, 240 p. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=24088164>. (In Russ.)

Filicheva 2003 – *Filicheva N.I. (2003)* History of the German language. Moscow: Akademiya, 304 p. (In Russ.)